

Александр Зорич

Броненосец инженера Песа

*Часть сборника
У солдата есть невеста
(сборник)*

Александр Зорич

Броненосец инженера Песа

«Автор»

2007

Зорич А.

Броненосец инженера Песа / А. Зорич — «Автор», 2007

«Броненосец инженера Песа» – родом с «Таинственного острова» Жюль Верна. Эта повесть напоминает фирменный провансальский рататуй. Приготовлена она, впрочем, из новомодного синтетического баклажана с добавлением современных космических специй, а потому придется по вкусу не только жюльвернофилам, но и гурманам, знающим толк во внеземных одиссеях.

© Зорич А., 2007

© Автор, 2007

Александр Зорич

Броненосец инженера Песа

повесть

Октябрь 2621 г.

Фелиция, система Львиного Зева

«Дюрандаль» падал. Инженер Станислав Пес инстинктивно зажмурился.

Внутри, вокруг пупка, как будто что-то призрачное пенилось, закипало, росло, в висках пульсировала кровь – перегрузки. Он в бешенстве стиснул зубы – как невыносимо это: быть одновременно и беспомощным, и бесполезным.

Истребитель пилотировал его коллега Роланд Эстерсон. Пилотировал так себе, чтобы не сказать отвратительно. Он, Пес, сделал бы это куда лучше. Но роль, которую он вызвался играть, подразумевала только такой расклад. Эстерсон – главный, Пес – ведомый.

– До земли уже близко? – спросил Пес у Эстерсона.

Сам-то он знать этого никак не мог, поскольку лежал в узком, глухом лазе между воздушным шлюзом и аварийным люком пилотской кабины.

Места получше на тесном истребителе не нашлось.

Эстерсон ответил нечто маловнятное. Пес подозревал, его товарищ совсем растерялся.

– Эй, Роланд, что-то вы раскисли! Ну-ка! Не вешать носа! Вы же создатель этой машины! Вас-то она должна слушаться! – сказал Пес, стараясь, чтобы эти слова прозвучали как можно бодрее.

– Разве что мистическим образом... Пожелайте мне удачи, пан Станислав.

– Удачи, ясновельможный пан Роланд!

После этого Эстерсон выключил связь и, как понял Пес, вообще снял наушники, чтобы не мешали. Любитель отличается от профессионала в частности тем, что ему всё, буквально всё мешает...

«Дюрандаль» подвывал и постанывал.

Эстерсон постоянно менял тягу – Пес слышал это, – нащупывая оптимальный режим снижения.

Какофоническая распевка двигателей длилась и длилась. В известном смысле это радовало Песа, поскольку означало, что до сего момента Эстерсон не вогнал истребитель в землю.

Вдруг истребитель подскочил, будто на ухабе.

«Вышли шасси», – безошибочно определил инженер.

Следующего толчка – первого касания тверди – Пес прождал довольно долго. Он уже решил было, что Эстерсон струсил, отказался от посадки – как вдруг «Дюрандаль» бухнулся на все три точки, из-за этой ошибки едва не скапотировал, подпрыгнул вверх, «скозлил», и снова коснулся земли, но на этот раз уже правильно, двумя точками, с малым положительным тангажом.

«Идиот... Сажал бы уже на воду...» – отстраненно подумал Пес.

Но на самом деле злиться на конструктора Эстерсона было не за что. По крайней мере, «Дюрандаль» пока не разлетелся на винтики.

Но и радоваться было рановато.

Со слюдяным хрустом оторвалась крыльевая стойка шасси.

Истребитель припал на правое крыло, как калека на костыль, машину закрутило и Пес, не сумев компенсировать центробежную силу мускулами, больно ударился затылком о титановую обшивку стыковочного лаза. Из глаз инженера посыпались искры.

Там, где лаз кончался, упираясь в пилотскую кабину, раздался громкий хлопок – это катапультировался Эстерсон. Однако в ту секунду пан Станислав был не в состоянии делать столь проницательные заключения.

Он приготовился к смерти, он ждал взрыва.

Но «Дюрандаль» был сработан крепко.

С визгом и скрежетом машина неслась невесть куда.

Вдруг тряска, которую сообщали всему телу истребителя неровности импровизированной взлетно-посадочной полосы, прекратилась. Пес с удивлением понял, что машина вновь куда-то летит.

– Эстерсон, что там, ради всего святого?! – в отчаянии выкрикнул Пес.

Ему не ответили. Отвечать было некому.

Полет оборвался резким ударом.

«Плашмя о воду», – уточнил для себя Пес, когда по обшивке истребителя забарабанили тяжелые водопады.

«Сейчас начнет тонуть...»

Шансы на спасение зависели от того, насколько быстро он отдраит аварийный люк. Оттуда, из пилотской кабины, уже можно будет покинуть аппарат, открыв фонарь из бронестекла.

Пес встал на четвереньки и что было прыти пополз вперед, в сторону кабины.

В стыковочном лазе царила непроницаемая темнота.

«Недоработало бюро Эстерсона! Поленился какой-то молодой олух нарисовать на чертеже ровно две лишние лампочки... Сам-то Эстерсон давно о таких мелочах не думает, генеральный конструктор как-никак...»

Найти задрайки люка на ощупь оказалось отнюдь не плевым делом. Но Пес, конечно, нашел.

Одна подалась легко.

Другая отчего-то заупрямилась.

Внезапно, подтверждая худшие опасения Песа, «Дюрандаль» провалился в бездну кормой вперед. При этом инженера отшвырнуло назад от люка и припечатало к противоположному концу лаза, где был шлюзовой отсек.

На несколько секунд инженером овладела паника. Он выкрикивал имя Эстерсона, умолял о спасении.

Но вдруг эмоции схлынули, к Песу вернулось самообладание.

Он вытер кровь, которая хлестала из носа, тыльной стороной ладони, густо поросшей седыми волосками, и вновь пополз к спасительному люку.

Чертова задрайка!

Он исцарапал себе все пальцы, пытаясь с ней сладить. Пот заливал глаза.

Вдруг инженер спохватился. У него же есть «Кольт Мк600»! Как он мог забыть об этом увесистом оружии убийства?

Извиваясь ужом, он вытянул револьвер из глубокого кармана брюк, в котором ствол успел проделать широкую прореху.

Перехватив револьвер за ствол, инженер нанес вслепую несколько сильных ударов рукоятью, надеясь попасть по задрайке.

Нутро «Дюрандаля» отзывалось глухим колокольным гулом.

Пес подергал задрайку.

«Не поддается, дрянь!»

Тем временем машина вела себя престранно.

«Дюрандаль» выравнился. И, вместо того чтобы лечь на дно, продолжал нестись сквозь толщу воды, причем – хвостом вперед.

«Неужели здесь настолько сильное течение?» – недоумевал Пес.

Разум нашептывал ему, что никакое течение не сможет волочь тяжеленный истребитель с такой силой. Но в те секунды ему было не до загадок природы.

Он перехватил ствол «Кольта» двумя руками и вновь принялся буйнить. Отчаяние придавало ему сил. Он яростно сквернословил, брызгал бешеной слюной во тьму. И хотя мышцы нестерпимо ныли от перенапряжения, попыток не прекращал.

«Клац!» – сказала задрайка едва слышно.

Но Пес ее слышал.

Рывок – и в следующий же миг подавшийся на полмизинца люк был распахнут тысячетонным водяным молотом.

Весь воздух из кессонного лаза выстрелило наружу, как из пушки.

Песа вынесло вместе с огромным пузырем.

Он промчался через пустую кабину, успев в неярком свете всё еще живой приборной доски заметить отсутствие пилотского кресла и Эстерсона. Затем стихия вынудила его сделать кувырок через голову и повесила на острый крюк, который образовал лоскут разорванной обшивки.

Пес рванулся, да так рьяно, что оставил «Дюрандалю» ворот своего синего свитера. Едва зачуйав свободу, он энергично заработал руками, стремясь побыстрее вознестись к призрачному мерцанию над головой.

Там светили крупная жемчужина-луна и шаровое скопление Тремезианский Лев. Они звали Песа к себе и он поднимался на этот зов наперекор туманящей мозг боли.

Ночь была влажной, пахучей и крепкой, как «Выборова». Пес покачивался на волнах, обстоятельно вращая плешивой головой.

За те минуты, что прошли после всплытия, он успел отплеваться, отдышаться и вновь уверовать в ангелов-хранителей. У инженера шла носом кровь, но он не замечал этого.

Итак, он находился в виду берега – далекого, лесистого и совершенно инопланетного.

Добро пожаловать, пан Пес! Планета Фелиция, система звезды Львиный Зев. Крошечный перед лицом всеобъемлющей космической пустоты землеподобный шарик, населенный сирхами – разумными котами-хамелеонами.

Почти строго на западе, над самой водой, светил одинокий маслянисто-желтый огонек. Расстояние, которое отделяло огонек от Песа, было довольно значительным, и потому он никак не мог определить, что же видит – пламя костра, разожженного сирхами, или же свет электрической лампы, размытый дрожащим воздухом. Песу очень хотелось рассчитывать на второе при условии, что лампу держит в своих руках его коллега Эстерсон. Встреча же с прочими сапиенсами не входила в планы инженера, причем сразу по многим причинам. Впрочем, доплыть до огонька Пес в любом случае не рассчитывал – слишком далеко.

Южнее и значительно ближе серебрилась полоса прибоя, над которой ясно различалась черная зубчатая стена. Как видно, это был один из барьерных рифов, которыми изобилуют нескучные моря Фелиции.

В других сторонах ничего интересного, кроме влажного бархата ночи, видно не было.

Пес кролем поплыл в сторону рифа.

Океан ярко флюоресцировал и инженеру начало казаться, что его ладони загребают смешанный с черными чернилами золотой песок. Зачарованный феерией, он не заметил, что его уже некоторое время сопровождают несколько гуттаперчевых мраморно-желтых змей, каждая толщиной с питона. Змеи эти шли совсем неглубоко, в метре от поверхности.

Если бы в тот миг он обернулся назад, то рисковал бы умереть от разрыва сердца, ибо зрелище к тому склоняло: светящееся колесо диаметром в двадцать метров, переплетенное сетью красных прожилок и иллюминированное пунктирными линиями голубых огоньков, неслышно

скользило вслед за ним. А желтые с продольной золотой сыпью змеи – они были спицами этого колеса, и в то же время, выходя за его пределы на десять метров каждая, придавали существу отдаленное сходство с морской звездой-офиурой, обитательницей тропических вод далекой планеты Земля.

Последующее произошло так быстро, что испугаться инженер не успел.

Две упитанных змеи стремительно перехватили его поперек туловища и, ловко вырвав из воды, перенесли к центру светящегося колеса. Они бережно поместили инженера между двумя мускульными наростами прохладной плоти.

Затем существо сложилось, тесно обняв Песа – так сырое еще тесто обнимает начинку рождественского пирога.

Пес заорал – захлебываясь, истекая криком.

Но звуки угасли в обволакивающем его неподатливом мясе.

Револьвер!

Он кое-как извлек его из-за пояса.

И тотчас высадил весь барабан, не целясь. Благо, промахнуться было невозможно – враг был везде.

Пули легко прошли плоть существа, не причинив ему никакого видимого вреда.

«Этого следовало ожидать...» – подумал Пес обескураженно.

На него навалилась апатия.

Сопротивляться бесполезно. Бежать некуда. Сейчас его будут переваривать.

Вот-вот на темечко брызнет струйка едкой пищеварительной жидкости... Или иначе: вот прямо сейчас в его невкусное, немолодое тело вопьются хищные пищеварительные реснички и быстро высосут его всего, до последней вакуоли, ибо таковы законы природы: большие питаются меньшими.

«Прощай, Эстерсон. Твоего верного Песа съели водоплавающие блины планеты Фелиция...»

Однако минуты шли, а пищеварительная жидкость запаздывала.

Существо же вело себя весьма энергично. Мощные волны мышечных сокращений пронеслись через всё его гигантское тело.

Если бы Пес мог посмотреть на своего пленителя со стороны, он бы увидел, что существо приобрело форму длинного изогнутого ножа, и нож этот, вспарывая пологие волны, стремительно удаляется от берега.

Впрочем, Песу хватило воображения достроить эту картину и без помощи зрения.

Прошло полчаса и пан Станислав уже практически поверил в то, что переваривать его пока не будут.

Теперь его заботила другая опасность – становилось душновато. Воздух в «желудке» существа потихоньку подходил к концу.

«Блестящая перспектива – умереть от удушья после всего того, что я уже сегодня пережил...»

Инженер уже почти смирился со своей судьбой и даже задремал, когда его пленитель остановился. Вывернулся как бы наизнанку. И, вновь подхватив сомлевшего Песа при помощи двух желтых щупалец, вознес его высоко в небо.

Ошарашенный инженер открыл глаза.

Обнаружил себя в десяти метрах над взгорбившейся волной посреди открытого моря.

И вновь истошно заорал.

Он не смолкал до тех пор, пока заботливые щупальца не поставили его на мохнатый, остро пахнущий крепким черным чаем, островок.

Островок мерно баюкало на волнах, а стало быть, он являлся скорее суденышком или, вернее сказать, плотом.

Чтобы удержать равновесие, Пес опустился на четвереньки.

На ощупь поверхность островка напоминала мочало. Она была сухой и кое-где еще хранила память о жарких прикосновениях лучей недавно закатившегося дневного светила.

Эти теплые прогалины невероятно обрадовали Песа, который смертельно продрог и стучал зубами от холода.

Что ж, умирать на островке гораздо приятней, чем в осклизлой утробе морского гада.

Пес опустил голову на мшистый бугор и забылся тяжелым сном лишенца.

Пес проспал до полудня следующего дня, в общей сложности шестнадцать часов. Даром что на Церере, откуда он спасся бегством в компании своего коллеги Эстерсона, неделями страдал бессонницей – ее не брали никакие пилюли...

Он не сразу понял, где находится – воспоминания запоздали на несколько томительных секунд. А когда понял, помрачнел. Любой помрачнел бы!

Итак, он пребывал на плоту предположительно искусственного происхождения.

Плот состоял из тысяч длинных, мохнатых, тщательно сплетенных воедино водорослей. Вместе они составляли нечто вроде многослойного матраса, настолько толстого, что его поверхность, на которой и лежал Пес, возвышалась над водой метра на два – два с половиной.

Инженер прикинул, что подводная часть, так сказать, грассберга, должна быть примерно той же или даже большей величины. Однако, перегнувшись через край и всмотревшись в прозрачную синеву, он с удивлением обнаружил, что плавучий остров погружен в воду хорошо если на метр.

Отчего так? Инженер распотрошил плетение водорослей под собой и обнаружил, что основной объем плота заполняют крайне необычные растения, чьи стебли имеют многочисленные пузыревидные наплывы. Эти наплывы были полыми, их эластичные стенки на ощупь напоминали... надувные шарики.

Предположить, что весь «матрас» вырос сам, по случайному велению природы, было никак нельзя. Плот имел достаточно правильные очертания вытянутого овала. Но главное, рядом с ним, на некотором удалении, плыли плоты-близнецы – числом около двух дюжин.

Никаких инженеров Песов на соседних плотках видно не было. Но на этом сущностные отличия исчерпывались.

Двигались плоты, конечно же, не сами по себе. И не по воле течения.

Их целенаправленно волокли вперед. И притом достаточно быстро, со скоростью парусной яхты, идущей галфвиндом.

Это проделывали собраты той твари, которая давеча похитила Песа из окрестностей утопшего истребителя.

Впрочем, инженер уже начинал догадываться, что истребитель утонул не сам собой, но был умышленно увлечен ко дну.

Пересилив страх и отвращение, Пес всё же рассмотрел своих новых знакомцев. И даже смог воскресить в памяти то небольшое, что он прочел о морской фауне Фелиции, приуготовляя бегство с Цереры в компании Эстерсона.

«Готов поспорить на миллион терро, это и есть те самые „капюшоны“, о которых сообщает господин Корсаков в своей удалой „Энциклопедии Дальнего Внеземелья“... Помнится, там шла речь о двух главнейших видах исполинских морских животных Фелиции. Первые звались „дварвами“... Так их называют аборигены-сирхи. Наш земной строгий термин – канцеровтеиды, – у Песа была отличная память на сложные слова, – то есть „ракокальмары“. Но этим ужасающим словом редко пользуются даже ученые.»

– Кан-це-ро-тев-тид, – вслух произнес Пес и не отказал себе в удовольствии смачно сплюнуть. – Тьфу, вот ведь злая дупа!

Повеселев, он вернулся к своему зоологическому экспресс-анализу.

«Но если верить Корсакову, попадись я дварву, не прожить мне и минуты. Дварв – свирепый, вечно голодный хищник... Вдобавок, у дварва должен быть панцирь, похожий на крабий, и четыре длинейших суставчатых конечности, устроенных по типу скорпионьего хвоста... Которые, впрочем, оканчиваются не ядовитым жалом, а тремя парами острых клешней-ножниц. У моих похитителей суставчатых конечностей не видно... Да и панциря... Напротив, они мягкотелы и блинообразны. Но если это те самые „капюшоны“, то отчего они „капюшоны“, а не, допустим, „блины“?»

Спустя час Пес получил наглядный ответ на этот вопрос.

Когда их флотилия проходила совсем близко от берега – там безымянная местная река впадала в море, сообщая ему свою мутную пресноводную изумрудность – капюшоны вдруг остановились.

Каждое из этих существ как бы присобралось, сгорбилось, опустив щупальца вниз. Теперь они приобрели сходство с гигантскими медузами мраморно-желтого цвета. И вот уже над водой показалось несколько горбов или, скорее, грибных шляпок, совершающих размашистые колебательные движения вверх-вниз.

«Теперь ясно! Они, вероятно, и питаются как медузы, фильтруя из воды мелкую живность – рачков, мальков, беспозвоночных... И похожи они при этом на... блестящие капюшоны желтых плащей-дождевиков!»

Итак, капюшоны если и были хищниками, то лишь в том смысле, в каком ими являются многие земные киты, без усталости студеной водицу в поисках планктона...

«Хвала Ахура-Мазде, для их пищевой цепочки я слишком крупное звено...»

Пес смутно припоминал, что именно «Энциклопедия» настаивала на достаточно высоком уровне внутривидового общественного развития капюшонов... Они, дескать, знакомы с зачатками товарно-денежных отношений и, по некоторым сведениям, даже строят города, похожие на подводные термитники...

«Только бы им не пришлось в голову отвезти меня в один из таких термитников! – взмолился Пес. – Не переживу физически...»

Все эти наблюдения над живой природой инженер вел, неторопливо обследуя содержимое ящика с загадочной кириллической маркировкой «Лазурный Берег» на крышке.

Откуда взялся на плоту ящик, Пес не имел никакого понятия. Но был отчего-то уверен, что вчера его еще не было. Стало быть, пока он спал...

О, это был очень полезный ящик! В нем содержалось несколько полных продовольственных пайков, включая, между прочим, бутылки с пресной водой. В одну из бутылей Пес вцепился с естественной жадностью жертвы кораблекрушения. Таких двухлитровых емкостей было еще пять. Это значило, смерть от жажды откладывается как минимум на неделю. Еды тоже хватало, но она, как ни странно, влекла инженера значительно меньше – аппетита, считай, не было.

«Если ящик и впрямь доставили на плот капюшоны – а кто же еще, – значит, они осведомлены о том, что я человек и нуждаюсь в человеческой пище. Они знают, где ее взять, а стало быть, способны контактировать с людьми... Контакттировать? М-да... Впрочем, целенаправленное воровство тоже можно считать формой контакта, не так ли? А это дает достаточные основания приписать капюшонам интеллект, сравнимый хотя бы с дельфиньим.»

Утолив жажду и вяло сжевав упаковку пшеничных хлебцов, Пес взялся исследовать содержимое своих карманов.

Электронная записная книжка-секретарь скончалась, не приходя в сознание. Но Пес и не думал печалиться – пропади они пропадом эти импровизированные инженерные расчеты, мудрые мысли из серии «в понедельник забрать из химчистки брюки» и служебные телефоны прошлогодних любовниц...

Пачка бумажных носовых платков (на Церере Песа донимал не выводимый никакими лекарствами насморк) фатально размокла, превратилась в белое комковатое месиво и была без сожаления выброшена за борт...

Расческа. Что ей делается, этой расческе? Пес провел гребешком по своей незавидной шевелюре, улыбнулся. «Если среди капюшонов есть дамы, они должны оценить мои старания оставаться денди!»

Коробка патронов к «Кольту» – ее он прихватил в капитанской каюте «Фрэнсиса Бекона»... Коробка сразу навела его на воспоминания об их с Эстерсоном аванюре.

Да-да, именно об «их с Эстерсоном», а не об «аванюре Эстерсона», как наверняка предпочитал думать последний. Ведь это он, Пес, плавно подвел Роланда к идее бегства. Это он, Пес, многие недели играл на нервах Эстерсона, как на мандолине, чего уж таить, обманывал его, сгущал краски, передергивал... Убеждал, что с Цереры ему, Эстерсону, не выбраться вовек, красиво рассуждал о свободе и рабстве, приводил в пример свои наскоро изобретенные злоключения, представляя себя таким пожизненным узником концерна «Дитерхази и Родригес». Конечно, концерн этот был тем еще местечком, и ничего особенно хорошего Пес сказать о нем не мог, но чтобы так... чтобы прямо «рабство»... чтобы прямо «кабала» и «никаких шансов»...

Пес знал, что у Эстерсона были все шансы выбраться с Цереры через годик, а если он будет упорствовать и скандалить, то и через полгода. Вот «Дюрандаль» принимает придиричивая комиссия заказчиков от русских Военно-Космических Сил... Вот Эстерсон что-то там такое дорабатывает... Потом истребитель запускают в серию.

Эстерсону, конечно, подсовывают новый контракт, жирнее прежнего, сулят еще какие-нибудь небывалые льготы и возможности... Но тут Эстерсон берет – и отказывается. И еще раз отказывается. Проявляет ту самую твердость, которая у него, конечно, в характере есть. И идет гулять на все четыре стороны! Хоть в родную Швецию, хоть в дальние дали, да хоть к чоругам, никто ему и слова не скажет!

Но Эстерсон, деморализованный неудачами с «Дюрандалем», сомневался в самом важном – в том, что всё будет хорошо. А Пес ему сомневаться помогал.

Эстерсон был превосходным инженером. Да что там «инженером»! Он был великолепным генеральным конструктором! Но в людях разбирался скверно, бессознательно полагая их чем-то вроде некондиционных роботов. Песу не составляло труда выведывать у Эстерсона его планы, быть в курсе всех его тайных чаяний. Даже следить за ним было элементарно – ведь погруженный в свои думы Роланд никогда не оглядывался... Когда Эстерсон, подобно послушной марионетке, продумал и спланировал операцию «бегство с Цереры», Песу оставалось лишь прикинуться простачком и присоединиться к нему.

Когда они брали на абордаж «Фрэнсис Бекон», Пес ликовал. Всё шло лучше некуда! Еще чуток, и Эстерсон – светлая голова и, без сомнения, один из лучших авиакосмических спецов Объединенных Наций, – окажется в его чистых, холодных руках... Жаль только Эстерсон не справился с «Дюрандалем» в самом конце их отчаянного полета...

Путешествуя по лабиринтам воспоминаний, Пес тем временем неспешно, с расстановкой перебрал «Кольт». Почистил нарезы при помощи маленького подствольного шомпола, отщелкнул вбок барабан, вытряхнул гильзы из гнезд (ох уж эта добрая старая оружейная школа!) и зарядил каждое лоснящимся маслянистой смазкой патроном из коробки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.